

Н.В. Шляхтина

Традиционный народный опыт заботы о детях-сиротах в крестьянской среде дореволюционной России конца XIX в.¹

В статье предполагается рассмотреть народный опыт усыновления детей и иные формы заботы о детях сиротах или иных детях, попавших в поле зрения крестьянского мира. Традиционный народный уклад хозяйственной и социальной жизни в целом исключал такое явление как лишние дети, поскольку сиротство в крестьянском сообществе являлось не только социальной категорией, но оно влияло и на хозяйственный строй в деревне. Крестьяне по многим причинам не могли допустить разрушения цельной хозяйственной единицы, ответственной, как и все они за выплату податей, и в целом — за воспроизводство всего строя традиционной сельской жизни. В заботах о детях-сиротах, в институтах приемышества, усыновления, опекунства заключалось стремление крестьянского мира сохранить всесторонний порядок: религиозный и нравственный, хозяйственный и государственный. На подобный всесторонний подход мне бы и хотелось обратить внимание в данной статье.

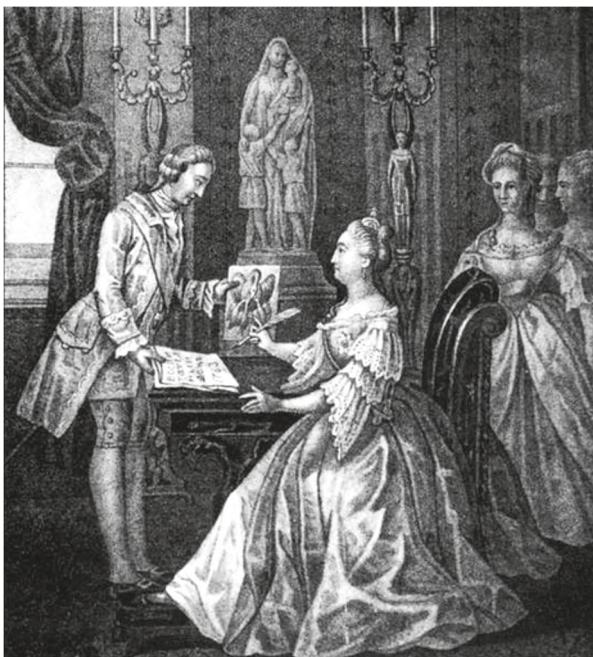
Бесспорно, хозяйственный интерес — желание поддержать и сохранить цельность общины — особенно выделялся в мотивациях крестьянской сходки, которая разбирала вопросы усыновления или же опеки. К этому же апеллировали и приемные родители, когда подписывали соответствующие документы — описи собственности приемыша. Но современники подчеркивают и другое: общинную сходку волнует, каковы с нравственной и религиозной стороны, как люди и как христиане, новые родители сироты. Если родная мать ненадежна, то над ней и над детьми будет поставлена опека со стороны общины. Если ребенок круглый сирота, то также выбор начинается с ближних родствен-

ников, по отцу, и если эти люди не соответствуют качествам хозяина и человека-христианина, то сходка начинает искать опекуна на стороне. Желание общины поддержать государственный порядок просматривается, прежде всего, в желании и способности решать вопрос о сиротстве внутри своего крестьянского мира: через решение, заботу и контроль за опекунством сельского схода, волостных судебных органов, через жестко традиционный институт общественного мнения. Последнее было особенно действенным в отношении внебрачных детей, внебрачных связей, сохранения нравственных и религиозных норм, касающихся семьи в целом и семейно-родовой иерархии.

Проблема, связанная с увеличением числа внебрачных детей в крестьянской среде стала постепенно нарастать в пореформенный период. Этот процесс не был резким и обвальным, судя по дифференцирующей крестьянское сообщество важности понятия «законные / незаконные дети». Незаконность в конце XIX в. не приветствовалась, осуждалась, она не давала шансов женщине занять равное положение среди односельчан, и в этом контексте она оказывалась важнейшим маркером, поддерживающим стабильность крестьянского социума, его соционормативных прав и взаимных обязанностей. Законность касалась, прежде всего, нормы рождения детей в браке. Рожденные до брака, как и рожденные во вдовстве после брака, признавались делом блуда, греха и потому не считались законными наследниками. Такие дети подвергались в селе насмешкам, как со стороны детей, так и со стороны взрослых. Крестьянский мир не выделял на таких детей земли

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00455.

и не разрешал их родителям (чаще матери) передавать им наследство. Незаконные дети могли довольствоваться лишь какими-то заработкаами на стороне, ремеслом и т.д. Но в случае, если ребенка брал кто-то из другой семьи на усыновление или в приемыши, то и внебрачные могли попасть в эту когорту. И тогда вместе с новыми родственниками ребенок получал надел земли и возможность наследовать имущество своих новых родителей после их смерти. Этим новым родством с него словно смыпалось пятно отверженности, и жизнь начиналась заново.

Императрица Екатерина II подписывает указ о создании Воспитательного Дома

Таким образом, крестьянство все же находило разумный механизм для решения проблемы незаконных детей, который не выходил за рамки традиции, в то время как публицисты и философы из интеллигентской городской среды ставили вопрос о незаконнорожденных детях радикально. Они настаивали на принятии закона, ставящего законно- и незаконнорожденных детей в равное правовое положение. Так ставил вопрос, например, один из самых активных сторонников снятия клейма незаконнорожденности с этих детей философ В.В. Розанов².

Материалы Тенишевского бюро позволяют го-

ворить о неравномерности общей картины, касающейся вопроса о законных и незаконных детях. В одних губерниях наблюдался больший порядок, и преобладало строгое отношение к нарушителям, в других (Калужской, Нижегородской) — широко распространился уже снисходительный взгляд на отступления. Современники связывали это с утверждением в такой местности городского влияния и заводской среды. Причем, как отмечает А.Н. Энгельгардт, особенно это было ощутимо, когда фабриками владели иностранцы³.

В материалах корреспондентов Тенишевского бюро, касающихся вопроса об опеке и усыновлении, в целом ряде ответов «с мест» звучит мысль о нарастающем общем разладе в семейной сфере, о постепенном распространении некоего равнодушного, а порой ненавистного отношения к детям из неблагополучной социальной среды. Вот одно из мнений, высказанное пожилым вологодским крестьянином: «прежде (лет 30—40 назад) земли у мужиков было столько же, сколько и теперь, а народу не в пример меньше было; хлеба, значит, росло много, а едоков было мало — у богачей амбары ломились! И продавали мало, разве соседу, нужда у которого. А нынче чего, а? Есть у кого лишний пуд хлеба — сейчас в город, продаст, да чаю поганого купит. А у многих самим жрать нечего! До того ли, чтобы подкидыша взять; Бога молят, чтобы законных-то детей не было!»⁴.

В статье будут рассмотрены те механизмы в крестьянской среде конца XIX в., через которые происходило признание сирот. В наибольшей степени, как будет показано ниже, в конце XIX в. получил распространение институт опекунства, подразумевающий широко понимаемые, закрепленные большей частью юридически, отношение сироты (или сирот) и лица (или лиц), заботящегося о сохранении его материального наследства (земля, недвижимость, деньги, вещи), кормящихся и воспитывающих его. Усыновление было несравненно более редким явлением, может быть по той причине, что большинство примеров усыновления не получало юридического оформления и оставалось тем, что в крестьянской среде называлось приемышеством.

История появления института опекунства в крестьянской среде, к сожалению, еще не прояснена. В. А. Александров, в известной своей монографии «Обычное право крепостной деревни России. XVIII—начало XIX в.» (М., 1984) впер-

² Розанов В.В. Семейный вопрос в России // Розанов В.В. Собр. соч. Т. 18. М., 2004. С. 496—658.

³ Энгельгардт А. Н. Из деревни 12 писем. 1872—1887. СПб., 199. С. 299.

⁴ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Вологодская губерния. Кадниковский уезд. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 351.

Воспитательный Дом в Москве.

вые широко ставит вопрос о самом феномене опекунства у русских крестьян и на новых материалах, показывает существование опекунства уже в XVIII в. До этого, как он отмечает, дореволюционные истории склонялись к мысли, что опекунство у крестьян появилось в пореформенный период⁵. Новые материалы, представленные в книге, конечно, расширяют временные границы существования опеки у крестьян, но не решают проблемы нижней границы — времени ее появления — и не отвечают на вопрос о причинах существования устойчивой (!) точки зрения у дореволюционных историков на пореформенное появление опекунства у крестьян.

Все материалы, на которые опирается В.А. Александров, связаны с кругом т.н. помещичьих «инструкций», в которых кроме распоряжений о рациональном ведении хозяйства, забот о церковной и нравственной жизни крепостных крестьян, есть и «нормы» осуществления опекунства среди крестьян. Безусловно, перед нами документы некоего общего

порядка, подразумевающие включение крупных помещиков в деятельность по рационализации крестьянской жизни, куда должны были войти и требования о судьбе сирот и их собственности. Дворяне взяли за основу свой сословный опыт, предложив крестьянам использовать некоторые его нормы. В этом контексте появление опеки можно датировать временем не ранее XVIII в., когда впервые появляется понятие «служилый-помещик»⁶. Уже в середине XVIII в., при Елизавете Петровне, фиксируется появление помещичьих «инструкций о домашних деревенских порядках», где налицо попытки придать крестьянскому миру черты гармонии и порядка⁷. Все эти нововведения касались лишь крепостных

Воспитательный Дом в Санкт-Петербурге. Начало XX в.

крестьян. Но другая часть — государственных и монастырских крестьян — была лишена этой цивилизационной опеки. Что совсем, конечно, не означает, они не совсем не знали юридической практики опекунства, она была, но в ограниченных масштабах⁸.

⁵ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 218.

⁶ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. С. 44–46.

⁷ Смилянская Е.Б. Дворянское гнездо середины XVIII века. Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М., 1998.

⁸ Сборник постановлений для руководства волостных и сельских управлений. СПб., 1853. С. 88.

1. Опека в крестьянской среде

Проанализируем тот круг источников, который нам дают материалы Тенишевского бюро, отражающие ситуацию в стране на конец XIX столетия. Корреспонденты отмечают, что опекунство в крестьянской среде носит еще редкий характер. Распространяться этот институт в крестьянской среде стал после отмены крепостного права в 1861 г.⁹

А. Е. Мерцалов, корреспондент из Кадниковского уезда, осведомленный в истории вопроса об опекунстве у крестьян, отмечает, что прежде сам помещик назначал опекунов. «Народ понимает разницу между воспитанием и опеканием»¹⁰. «Опека, или опекунство, большого значения в крестьянском быту не имеет, учреждается таковая или по ходатайству ближних родственников детей умершего или же по непосредственному усмотрению начальства, но сами по себе крестьяне об ней заботятся мало»¹¹. Опека устанавливается «из жалости» к сироте, чтобы корыстные люди не растащили его имущество, оставшееся без взрослого присмотра¹². Неформальное отношение мира к опеке над сиротой прослеживается всегда, как отмечают все корреспонденты. «Мир» тщательно исследует вопрос: кто может быть истинным благодетелем для ребенка, нет ли в действиях претендентов корысти. Если жива мать, то опекуном становится она, но если ребенок остался полным сиротой, то выбирают человека из его семейного «рода», учитывая «достоверность, трезвость, добросовестность».

Порядок установления опекунства требовал обращения кого-то из родственников малолетнего в волостноеправление или же к сельскому старосте. Следующий этап — опись имущества и вслед за ним — созыв сельского схода, который и должен избрать опекуна. В выборе кандидатур главное — «честность и достаточность приискиваемых». В ряде случаев опекунство оформлялось на основе имеющегося завещания, содержащего просьбу умершего передать своих детей-сирот конкретным лицам¹³. Если кандидат отказывался от опекунства даже после уговоров, ищут другую кандидатуру. Но общество может и назначить человека опекуном помимо его воли. Решение схода оформляется как «приговор»,

имущество фиксируется в приходно-расходной тетради (в двух экземплярах). Второй экземпляр отдается на хранение в волостноеправление. В этой тетради опекун должен будет записывать доходы и расходы от имущества ребенка. При этом опекун мог и не заниматься воспитанием и присмотром за сиротой, а только найти человека (из дальних родственников ребенка), который готов за минимальную плату «вступить в дом» сироты и вести хозяйство. На всех этапах опекунства крестьянский «мир» контролировал исполнение этих обязанностей, как материальную их сторону, так духовно-нравственную, чтобы ребенок не терпел обид от опекуна, а имущество использовалось разумно. Тот ребенок, который становился сиротой в подростковом возрасте, начиная с 8 лет, мог и не отдаваться в опекунство, но пристраивался миром куда-то «к месту».

Не найдя желающего смотреть за домом и вести хозяйство, опекун вынужден был распродать все имущество и дом, деньги положить на имя сироты в банк до его совершеннолетия, землю сдать в аренду, а ребенка взять к себе в дом. Хранителем наследственных денег мог быть и священник, поскольку тогда не существовало практики перевода их из одного места в другое, а лицо это было для крестьян авторитетным и надежным¹⁴. Опекун нес ответственность за подопечного до исполнения ему или ей 21 года. Если же он не выполняет своих обязанностей, на что обратят внимание или староста или волостной старшина, то его опекунство может дезавуироваться, опять же через решение сельского схода. Именно на сельском сходе проходил отчет опекуна об имущественных тратах за весь опекунский период, когда истекал срок опекунства. Происходило это в разных случаях по-разному: в 18 лет, 21 год, реже — в 23-24 года¹⁵. Общество устно благодарило опекуна, но никаких материальных вознаграждений он не получал. В случае честных трудов награда была небесной. Сами крестьяне говорили: «Это дело Божье, усердие к сиротам и братья за это с сирот что-нибудь — грех»¹⁶. «Хорошо ему (взявшему приемыша. — Н.К.) будет за это на том свете»¹⁷. Эта мотивация заставляет опекунов ответственно относить-

⁹ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Вологодская губерния. Кадниковский уезд. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 685.

¹⁰ Там же. С. 685.

¹¹ Там же. Вологодская губерния. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 185.

¹² Там же. Ярославская губерния. СПб, 2006. Т. 2. Ч. 2. С. 275.

¹³ Там же. Ярославская губ. СПб., 2006. Т.2. Ч.1. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 324.

ся к своим обязанностям, не тратить сиротские деньги корыстно, не обижать сироту¹⁸. Поэтому большинство корреспондентов отмечает, что растраты среди опекунов бывают чрезвычайно редки. К тому же по обычному праву опекун никогда не может сделаться наследником имущества опекаемых¹⁹. Само прощание опекуна с опекаемым происходило публично на глазах схода. «Принимается опекаемым имущество от опекуна по описи в присутствии сельского старосты и схода. После чего опекаемый кланяется ему в ноги и целуется: это он прощается с опекуном, так как навсегда отходит от него. Затем опекаемый ставит сходу водки, а опекунам и участникам делят целый пир»²⁰.

Там где дети-сироты не имели никакого имущества, общество само брало на себя бремя опеки. На сходе решалось, какая нужна сумма для этих трат. Потом эта сумма делилась на каждую платежную душу в обществе. Мальчиков, как только возраст позволял, отдавали учиться ремеслу, девочку — на воспитание в какую-либо сельскую семью (приемыщество). «Мирская опека» состояла в том, что мальчика пока он не достиг нужного возраста для обучения его ремеслу, кормили и одевали по очереди в каждом сельском доме. Это был самый худший вариант опекунства из всех возможных, поскольку не везде его ожидал хороший прием, но порой приходилось претерпевать немало «побоев, упреков, брань, голода и холода, неустроенности, отсутствия ласки». В конце концов, такой ребенок, случалось, начинал промышлять воровством и нищенством²¹.

В разных местностях по-разному осуществлялся контроль сельского мира над опекуном. Где-то он был очень строгим, в других местах — фор-

В.Е. Калистов. Ревизия питомцев воспитательного дома. 1866 г.

мальным, до поступления жалобы на опекуна. В Ростовском у. Ярославской губ. опекунство проверялось миром три раза в год, в виде письменного отчета по приходу и расходу. Но такой пример был редким, чаще всего наблюдалось нечто среднее — отчет со стороны опекуна подавался раз в год²². Обыкновенно перед Новым годом сход приглашал волостного старшину с писарем, с ним 3–4 избранных от схода крестьян и эта группа проводила по имеющейся описи проверку расходов и доходов опекуна²³.

Все имущественные споры должен был решать волостной суд. Дети, не имеющие имущества, как отмечает корреспондент, или отдаются в детский приют, или воспитываются до 12 лет, а потом им находят ремесленное занятие. Кто-то из детей попадал и в нищие²⁴. Забота о слабоумных также большей частью осуществлялась через опекунство²⁵.

Из-за того, что опекунство не являлось повсеместно распространенным институтом среди крестьян России, мы вправе говорить о том, что где-то потребность во внимании к детям-сиротам

¹⁸ Власова И.В. Брак и семья у северорусского крестьянского населения // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 452.

¹⁹ Русские крестьяне. Костромская и Тверская губернии. Т. С. 301.

²⁰ Там же. Калужская губерния. С. 377.

²¹ Русские крестьяне. Калужская губерния. СПб., 2005. Т. 3. С. 100.

²² Там же. Костромская и Тверская губернии. Т. 1. С. 300.

²³ Там же. Калужская губерния. С. 377.

²⁴ Там же. Вологодская губерния. Грязовецкий и Кадниковский уезды. Т. 5. Ч. 2. С. 186–187.

²⁵ Там же. Калужская губерния. С. 229.

Прием прошений в Московском Воспитательном Доме. Начало XX в.

была не такой большой, чем в других местах²⁶. Это лишь подтверждает наше предположение о зависимости этих институтов (опекунства, усыновления, приемышества, крестничества) от конкретной ситуации, связанной с сохранением или же распадом традиционных устоев в том или ином регионе. Но порой все зависело от хозяйственных условий, от зажиточности крестьян в той или иной местности. Сельский мир мог не заниматься опекой, если наследство, оставленное умершим домохозяином, было незначительно и в опеке как таковой не было смысла²⁷. Костромской корреспондент подчеркивает, что у них «опека назначается в исключительных случаях, как то: ценное имение или наличность денег, или же неблаговидное поведение матери»²⁸.

Вопрос об опеке поднимался в нескольких случаях: 1) малолетство и сиротство ребенка; 2) сумасшествие; 3) безвестное отсутствие родителей. Опека полагалась и над детьми, которые не могли стать полноправными членами общины, но требовали особого ухода и внимания. Опеку имели душевнобольные дети, глухонемые, немые, слепые и проч.²⁹ Для матери, оставшейся с повзрослевшими сыновьями подросткового воз-

раста, опекунство являлось естественным состоянием. Но сам сельский сход решал: письменно ли оформить ее опекунство, или формально согласиться с ее новым статусом главы семьи. Мир исходил из деловых качеств вдовы: если она была способна самостоятельно вести хозяйство, то никаких описей имущества не происходило, все оставалось, как при ее покойном муже. От деловых качеств хозяйки дома зависела и последующая ситуация, когда ее дети вырастали и сами могли уже управлять хозяйством³⁰. Но в случае, если она не могла справиться с непослушными сыновьями,

женщина могла рассчитывать на помощь мира. Так, новгородский корреспондент передает разговор матери с непослушным сыном: «Вот я тебя, не годяя, сведу в правление и там тебя выстегают!»³¹. Такие случаи, отмечает автор, были не редки.

В целом, оценивая труды опекунов с нравственных позиций, корреспонденты по-разному отзываются об их качестве, одни в положительном ключе, другие — негативно оценивая институт опекунства. «Чрезвычайно редки случаи добросовестной опеки», — пишет калужский корреспондент³². Ему вторит А. В. Балов из Ярославской губ., Пошенского у.: «Злоупотребления со стороны опекунов встречаются весьма часто, т.к. контроля за деятельностью ни со стороны мира, ни со стороны волостной администрации почти никакого нет»³³. Корреспондент считает, что опекуны нередко занимаются приписками расходов и доходов в свою пользу, корыстно используя имущество сироты. Об этом же пишет вологодский корреспондент А. Е. Мерцалов: «Самое естественное злоупотребление со стороны опекунов — это растрата опекаемого имущества, которая происходит сравнительно чаще в том случае, когда мать-опекунша вторично выходит

²⁶ Там же. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. Т. 1. С. 80.

²⁷ Там же. С. 219.

²⁸ Русские крестьяне. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. Т. 1. С. 219.

²⁹ Там же. Новгородская губерния. С. 458.

³⁰ Там же. Новгородская губерния. С. 290.

³¹ Там же. Новгородская губерния. С. 542.

³² Там же. Калужская губерния. С. 377.

³³ Там же. Ярославская губерния. Пошехонский уезд. СПб., 2006. Т. 2. Ч. 1. С. 64.

К.Е. Маковский Свидание. 1888.

замуж и подпадает влиянию второго мужа»³⁴. Новгородский корреспондент из Тихвинского у. также пишет в анкете о распространенности случаев злоупотребления опекунами своими обязанностями³⁵. Но, как он отмечает, с введением реформы о земских начальниках таких случаев стало меньше. Была ужесточена административная и судебная ответственность за растрату сиротского капитала опекунами.

Но встречаются в корреспондентских оценках и общие позитивные оценки опекунства: «Случаев злоупотребления опекунами, за которые они судились бы в суде, мне неизвестно»³⁶. Как правило, такие случаи связаны с предварительно составленными завещаниями предвидевших скорую кончину крестьян. Например, приводится такой случай. Зажиточный крестьянин накануне своей кончины, оставляя двух своих детей сиротами (девочку и мальчика), пригла-

сил к себе волостного старшину, сельского старосту и понятых. Также здесь присутствовал его дядя, которому и предполагалось принять опеку над племянниками. Сделав опись имущества (две копии), умирающий обратился к дяде: «Ты ребятенок-то не мори, не жалей больно до-бра-то, вырастут, наживут, Бог даст, попусту ты не издержишь, я знаю, а что нужно, покупай»³⁷. Малосемейный дядя после кончины племянника взял детей к себе, перевел часть имущества в деньги, которые положил в сберегательную кассу на имя сирот. Постройки застраховал и заколотил. Дети выросли в довольстве, как следует, а когда наступил срок то одного он женил, другую — выдал замуж. При этом, когда внук отделился, то дед, оставив своих родных дочерей, ушел вместе с ним в дом своего покойного племянника.

2. Усыновление детей

Усыновление было более редкой практикой в традиционном крестьянском мире, чем опекунство³⁸, и о об этом пишут все. «Больше всего усыновляются подкидыши», — пишет калужский корреспондент³⁹. Для усыновления были важны два обстоятельства: 1) зажиточность усыновителей (расходы на юридические хлопоты и на содержание сироты); 2) их бездетность. Как отмечают многие корреспонденты князя Тенишева, ситуация с усыновлением в большинстве случаев однотипна: средних лет зажиточные супруги, но не имеющие детей, принимают решение усыновить ребенка, чтобы в старости он стал им опорой, а после их кончины мог наследовать их состояние. Мотивация в этих случаях бывала похожа: усыновителям было жалко передавать свои жизненные накопления в какие-то случайные руки, людям, которые никак не участвовали в созидании этого достатка. Ребенок же сумеет и потрудиться, и стать родным в процессе общесемейной жизни. Корреспондент из Ярославской губ. (Ростовский у.) пишет: «В с. Колягине бездетные муж с женой, когда им было уже за 40 лет, усыновили совершенно постороннего им мальчика-сироту 6-ти лет. В усыновление отдавала его родная бабушка, у которой он жил. Этот усыновленный мальчик носит в настоящее время фамилию и отчество своего усынови-

³⁴ Там же. Вологодская губерния. Т. 5. Ч. 2. С. 686.

³⁵ Там же. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 4. С. 212.

³⁶ Там же. Новгородская губерния. Тихвинский уезд. СПб., 2011. Т. 7. Ч. 4. С. 73.

³⁷ Там же. Новгородская губерния. С. 299.

³⁸ Власова И.В. Брак и семья у северорусского крестьянского населения // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2001. С. 429.

³⁹ Там же. С. 523.

К.Е. Маковский. Две матери. 1906.

теля и называет его не иначе как “тятинька”⁴⁰. Этот же корреспондент приводит еще несколько однотипных примеров. Среди них любопытен пример усыновления бездетным священником дочери крестьянина-вдовца 45 лет.

Усыновляемые дети относятся в основном к двум категориям: или они сироты, или дети из бедных многодетных семей от одного до десяти лет. Среди усыновленных детей немало родственников, но также есть и чужие. В некоторых местностях усыновлялись только дети родные по крови⁴¹. По закону усыновлять ребенка могли как мужчины, так и женщины. Каждое усыновление юридически оформлялось и фиксировалось в местных церковных метрических книгах. Усыновитель (уже после юридического оформления), писал заявление священнику на основании которого тот и вписывал ребенка под новой фамилией в книгу⁴². Юридическое оформление начиналось с обращения в Казенную палату⁴³, потом составлялись «записи добровольного соглашения обоядных сторон и засвидетельствований этой записи в волостном правлении»⁴⁴. Также обязателен был приговор

сельского схода. Общество составляло текст приговора о разрешении мира на усыновление, а волостноеправление фиксировало подписи от усыновителя, от отца и матери ребенка, который усыновлялся, с их согласием. После того эти бумаги отправлялись на утверждение в Казенную палату. Там и происходило полное юридическое оформление усыновления приемыша и «перемещение усыновляемого в семейство усыновителя с назначением его фамилии»⁴⁵. Вместе с тем в некоторых местностях усыновление могло проходить «без всяких формальностей» и документов, только при «словесном договоре»⁴⁶. После усыновления ребенок приобретал все права и преимущества,

какие имеет родной сын по отношению к отцу. При этом прежние родители, если они живы, теряют по отношению к своему бывшему ребенку все прежние родительские права, включая право вернуть свое чадо назад.

Корректирующую роль (в отношении поведения усыновленного) в этом процессе всегда играло «духовное завещание», которое и позволяло (или не позволяло) наследнику вступить в наследство после кончины его приемных родителей. Корреспондент из Вологодской губ. подчеркивает, что в их местности (Грязовецкий у.) приемные родители не стремились выбрать мальчика или девочку, предпочтений не было⁴⁷. Само усыновление здесь называли *водворение*, поскольку ребенок заселялся в новый для себя дом (двор). Вырастив ребенка, дав ему свою фамилию, родители брали на себя и обязанность женить юношу или выдать замуж девушку. При этом они брали зятя к себе в примаки, который в их местности в данной ситуации назывался *домовик*. О личных отношениях между усыновленным и его новыми родителями корреспондент пишет так:

⁴⁰ Русские крестьяне. Ярославская губерния. Т. 2. Ч. 2. С. 323.

⁴¹ Там же. Вологодская губерния. Т. 5. Ч. 2. С. 704.

⁴² Там же. Калужская губерния. С. 287.

⁴³ Там же. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 4. С. 160.

⁴⁴ Там же. Калужская губерния. С. 443.

⁴⁵ Там же. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 4. С. 252.

⁴⁶ Там же. С. 523.

⁴⁷ Там же. Вологодская губерния. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 267—268.

«Личные отношения... устанавливаются вроде как у кровных родителей и детей, но без взаимного влечения и любви». Причина, по мнению автора, в существовании формального момента, связанного с наследством, поскольку приемыш до последнего не знает: будет ли он хозяином родительского богатства или нет.

В порядке усыновления важным был вопрос о земле. Усыновляя мальчика, будущий отчим вправе был обратиться к миру с просьбой — приписать его к обществу и наделить ребенка наделом земли. Где-то общество считало, что землей должен наделять ребенка его новый родитель. Если нужды в земле не было, то мирского согласия на усыновление не требовалось⁴⁸.

Дети для усыновления брались из разных источников: или это были сироты, оставшиеся вообще без родителей, или подкидыши, оставляемые возле домов богатых бездетных людей, или же дети из бедных многодетных семей, где им было сложно прокормиться.

3. Приемышество в крестьянской среде

Хотя усыновленные и приемыши⁴⁹ кажутся, на первый взгляд, однотипными категориями принимаемых в семью детей, но это не так⁵⁰. Разница здесь была даже в способе оформления официальных документов. Усыновление требовало юридического оформления нового статуса ребенка: усыновитель письменно обращался в окружной суд, ходил по инстанциям, просил сельскую сходку, чтобы ребенку был выделен земельный надел и тем самым он бы вошел в состав общины. Приемышество же не нуждалось в таких формальностях и потому оно гораздо чаще встречалось в сельской среде⁵¹. Но приемыш не получал всех прав родного сына или дочери, какие он мог бы получить при усыновлении и юридическом оформлении договора⁵². Фамилия у него также оставалась прежней, хотя и называл он приемного отца «тятинькой»⁵³. Как замечает ярославский корреспондент, в приемыши чаще всего берут девочек, а не мальчиков, поскольку из-за проблемы с землей, на просьбу о выделении надела просители нередко получают отказ.

Приемыши, в отличие от усыновленных детей,

были в категории риска, поскольку после смерти приемного отца его родные дети могли отказать приемышу в наследственной доле. В этом случае дело решал волостной суд, учитывая прежде всего не формальную сторону (неусыновленность), а фактическую: как и сколько трудился приемыш в новой семье. Если тот, по отзывам сельчан, был опорой своему приемному отцу, то суд принимал решение наделить его долей наследства наравне с законными детьми⁵⁴.

В приемыши нередко попадала и такая категория детей как «подкидыши». Большой частью это были дети, нажитые вне брака, незаконные, отчего и возникала у их матерей боязнь связать себя на всю жизнь с этой обузой. Обнаружение матери подкидыши грозило ей уголовной ответственностью, поэтому чаще всего «нежеланных» детей старались отдать в воспитательный дом, что было вполне доступно. И хотя люди все равно знали о происшедшем, но предоставляли все на суд Божий. Например, в д. Волосовой Ярославской губ. был подкинут младенец к дому богатых бездетных сельчан. Те приняли подкидыши, и в качестве приемыша он стал жить у них как родной⁵⁵. Подкидывание детей расценивалось в крестьянской среде как большой грех. В какой-то мере общество и сама мать ребенка находили ему оправдание в подбрасывании ребенка состоятельным людям, которые могли обеспечить ему достойную жизнь⁵⁶. «Эти последние, — пишет корреспондент из Калужской губ., — обычно берут на свою опеку и содержат их довольно хорошо, даже иногда почти не отличая от своих собственных детей, что делает им честь. Матерей подкидышей всегда если не власть, то народ разыскивает»⁵⁷.

4. Усыновление детей из воспитательных домов

В имперской России впервые появляется система воспитательных домов для детей, попадающих в категорию «незаконнорожденные». Таковые появляются в XVIII в. как особая и достаточно многочисленная группа, требующая централизованного участия государства, а не непросто церковно-при-

⁴⁸ Там же. Ярославская губерния. Т. 2. Ч. 2. С. 324.

⁴⁹ У слова «приемыш» в традиционной деревне было еще значение «зять-приемыш», т.е. примак.

⁵⁰ Один костромской корреспондент отметил в анкете, что у них нет разницы между усыновлением и приемышеством. — Там же. Костромская и Тверская губ. Т. 1. С. 290.

⁵¹ Там же. Там же. Ярославская губерния. Т. 2. Ч. 2. С. 324.

⁵² Там же. Калужская губерния. С. 443, 527.

⁵³ Там же. Вологодская губерния. Тотемский уезд. СПб, 2008. Т.5. Ч. 4. С. 179.

⁵⁴ Там же. Новгородская губерния. Череповецкий уезд. СПб., 2009. Т. 7. Ч. 2. С. 299.

⁵⁵ Там же. С. 382.

⁵⁶ Там же. Вологодская губерния. Грязовецкий уезд. СПб., 2007. Т. 5. Ч. 2. С. 375.

⁵⁷ Там же. Калужская губерния. С. 330.

Грудное отделение Санкт-Петербургского Воспитательного Дома. 1913 г.

ходского признания на уровне богаделен. Служба императору и Отечеству, потребовала от дворянства, начиная с петровских преобразований, жить по-светски, подчиняя большую часть своего времени учебе, служению, светским развлечениям. И хотя религиозная жизнь не исключалась из этого распорядка, но скорее она была подчинена светскости, чем та ей. Если включить сюда наличие большого числа военных походов, учений, долгого отсутствия мужчин у домашнего очага, порой безвременные трагические кончины на поле брани, то очевидным становится, что о разрушении традиционного уклада в этой среде приходится говорить уже с первой половины XVIII столетия⁵⁸. И хотя с 1780-х годов началось постепенное возвращение дворянства в свои поместья после освобождения их от обязательной службы при Екатерине II, но вернулось не все дворянство и не в своем прежнем качестве. Современники указывали на нередкие случаи нарушения верности в браке, на распространенность внебрачных связей, что, конечно, в первую очередь было связано с ослаблением веры и церковности в дворянской среде. Но были обстоятельства, подталкивающие к внебрачным связям. На это обратил внимание в ряде своих статей писатель и публицист В. В. Розанов. Он говорит о последствиях закона, ограничивающего права офицера на брак.

Юрьевича Трубецкого⁵⁹. Поначалу само государство занималось воспитанием и обучением этих детей, из них готовили домашних учительниц и поварильных бабок. Кто-то даже поступал в университеты и медицинскую академию, часть детей проходила обучение в ремесленных классах. То есть, хотя учреждение было общесословным, но сословность все же учитывалась на выходе воспитанников. Видя серьезное отношение к детям-сиротам, сюда стали отдавать на обучение и детей из обычных семей, что заставило правительство в конце 1830-х годов изменить весь порядок жизни в Воспитательном Доме.

Незаконнорожденных детей стали отправлять в деревни, в крестьянские семьи на обучение и воспитание. Чиновник, проверявший порядок воспитания, сетовал, что дети стали вырастать «не имея возможности научаться молитвам, чтению и письму». Крестьяне, соглашающиеся стать опекунами малолетних детей, получали за свои труды 2 руб. 50 коп. в месяц до двухлетнего возраста ребенка. И еще 5 руб. им выплачивали до одного года — за сохранение жизни малыша⁶¹. С возрастанием его платы крестьянину немного уменьшалась: от 2 до 5 лет — 2 руб.; от 5 до 8 лет — 1 руб. 50 коп.; от 8 до 15 лет — 1 руб. в месяц. Затем плата прекращалась⁶². Эти дети продолжали числиться в ведомстве Воспитательного Дома до достижения ими 21

⁵⁸ Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII в. М., 2002. С. 38–58.

⁵⁹ Розанов В.В. Указ. соч. С. 241–242, 339, 656–657.

⁶⁰ Сборник сведений по общественной благотворительности. СПб., 1880. Т. 1. Ч. 1–3.

⁶¹ Сборник сведений по общественной благотворительности. Т. 1. Ч. 2. С. 143.

⁶² Там же. С. 144.

года или до их женитьбы и замужества. Приданое они также получали от государства. Если же до 21 года статус их не менялся, то речь шла о единовременном пособии — 30 руб. для девушки и 35 руб. для юноши. Такой порядок продолжался до 1864 г. Но позже к этой практике, по-видимому, опять возвратились. Во всяком случае, в 1900 г. в публицистике встречаются ссылки на существующую практику усыновления крестьянами детей из воспитательного дома ради получения государственных пособий. Так в письме, направленном в редакцию «Нового времени» в связи с полемикой вокруг статей В. В. Розанова, неизвестный автор пишет: «Немного найдется крестьян, которым питомцы нужны как сыновья или дочери. За питомцев платят, крестьяне находят плату выгодной, так как вначале выдают достаточное вознаграждение, которое уменьшается с возрастом. Зато с питомцами они ничем не связаны. Кончит он учиться, устроят его в мастерство (в ученики) через воспитательный дом, и, в большинстве случаев, на этом и прекращается забота крестьян о 14-летнем мальчике...»⁶³.

Немалая часть незаконнорожденных крестьянских детей также стали попадать в воспитательные дома, и оттуда их могли браться на временное усыновление. Причины появления внебрачных детей в крестьянской среде, отчасти отличались от причин, существовавших среди дворян, но главное было общим. Это явление развивалось в том и другом случае на фоне падения религиозности (церковности) и традиционной православной нравственности.

5. Воспитание сирот родственниками без обязательств

Нередким был вариант устройства сирот в домах близких родственников без обязательств (устных или письменных) с его стороны перед кем-либо. Ребенок переходил в дом дяди, например, и воспитывался вместе с его детьми до совершеннолетия. В случае его отделения для самостоятельной жизни дядя отдавал племяннику как долю своего имущества, так и часть имущества, оставшегося от покойного брата⁶⁴. В другом случае, дядя, воспитавший круглых сирот — детей своего брата (девочку 4-х лет и мальчика 2-х лет), женивший племянника на свои деньги, решает сохранить наследство брата у себя. Крестьянский мир решает поддержать его против претензий племянника к дяде. «Ты на него (на дядю. — Н.Ш.), — говорят на сходе, — еще не

работал, а он тебя вспоил, вскормил, женил, к работе приучил. У тебя имущество-то было не больше, как на сотню, а ведь изба-то твоя сгнила бы без присмотра, лошадь уже сдохла, корову съели, чего же ты будешь искать?»⁶⁵ То есть «мир» гибко подходил к этому вопросу, в одном случае поддерживал разделение, в другом — нет. Ярославский корреспондент (Пошехонский у.) отмечал в своей анкете, что незаконнорожденных детей у них часто принимают в семьи и воспитывают наравне с родными детьми близкие родственники девушки, родившей незаконного ребенка, а иногда и совершенно чужие, не имеющие детей⁶⁶. Часть из них усыновляют.

Ф.С. Журавлев. Мачеха. 1874.

Иногда детей отдавали «на содержание» кому-то из соседей, когда вдова или вдовец уезжали из родного села. Например, «крестьянка Фекла Антонова прижила незаконным образом дочь Анну. Вскоре после рождения ее она отдала свою дочь на содержание к соседке, с платой по 3 руб. в месяц, а сама поступила в «кормилки» в город. Вернувшись домой, она забрала девочку, но начала ее часто истязать, вымешая на ней злобу за жизненные неудачи. Тогда мир принял решение отобрать девочку»⁶⁷.

⁶³ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. М., 2004. С. 375.

⁶⁴ Там же. Костромская и Тверская губерния. Т.1. С. 80.

⁶⁵ Там же. Калужская губерния. Т. 3. СПб., 2005. С. 99.

⁶⁶ Там же. Ярославская губерния. Т.2. Ч. 1. С. 505.

⁶⁷ Там же. Ярославская губерния. Даниловский, Любинский и Романово-Борисоглебский уезды. СПб, 2006. Т.2. Ч. 2. С. 158.

5. Крестничество в крестьянской среде

Материалы Тенишевского бюро не позволяют проследить, как складывалась опека крестного над крестником после крещения. И хотя крестничество напрямую не связано с усыновлением и опекунством, но кратко коснемся ее в качестве примера сторонней заботы о не своем ребенке, но заботы носящей долгосрочный характер. Корреспонденты бюро лишь зафиксировали в анкете сам факт важности для крестьян этого церковного таинства, и сопутствующего ему праздника, устраиваемого в доме крещаемого младенца, где происходит угождение приглашенных гостей (и в первую очередь крестного и крестной) и церемония одаривания младенца подарками, не раскрывая содержания повседневных отношений крестного и крестника. Другие источники, в основном мемуарного характера, позволяют говорить, что связь крестника и крестных сохранялась, но сводилась большей частью к одариванию крестника (или крестницы) небольшими гостинцами в дни больших праздников (Пасхи и Рождества Христова). Приведем один такой пример, сохранившийся в воспоминаниях Александры Аркадьевны Серяковой — дочери последнего предреволюционного директора известной Татевской школы Рачинского — А. А. Серякова: «У отца было много крестников. Все хотели, чтобы он был крестным. И вот крыльцо нашего дома и половина его угла, как сейчас вижу: в Пасхальный день все заняты пришедшими крестниками. Кто в лапотках, кто в сапожках, все празднично одеты, кто яичко держит, кто маленький куличик. У отца была зарплата 25 рублей. Ее хватало только на то, чтобы выписывать книги. Библиотеку у нас во время войны немцы забрали и увезли. Но обязательно отец покупал каждому крестнику материал на рубашку. Покупали целыми тюками голубой и розовый сатин. Многим он даже сапоги заказывал. Из лаптей дети не вылезали. Сапоги шились на вырост, да и так, чтобы после него кто-то поносил»⁶⁸.

Крестные отцы и матери из самих крестьян, судя по редким отрывкам, попадающимся в воспоминаниях, являлись для крестника или крестницы жизненной опорой, помощником, хотя и не таким важным, как ближайшие родственники. У крестьянина-мемуариста Ивана Михайловича Кабештова (1827—1918), в 14 лет умирает мать, и

он остается круглым сиротой. Финансовыми делами подростка занялись управляющий имением, в котором они жили и крестная мать Ивана, жена старика-священника⁶⁹. Но потом, среди хлопот, в которых была задействована семья, имя крестной уже не мелькает. В другом случае в воспоминаниях крестьянина Михаила Егоровича Николаева крестный также появляется в ответственный момент, когда мемуарист был еще молодым человеком и безуспешно искал себе подходящую невесту. Именно он дает правильный совет дяде Михаила (к этому времени отца у юноши не было) «поехать в село Реброво к его родственникам и уверил нас, что его послушают и отадут невесту за меня». Так и случилось, невеста была просватана, а позже состоялась свадьба⁷⁰. Однако, там, где идет описания предсмертного прощания с отцом и вручение сына Михаила своему брату на воспитание, речи о крестном не идет. Кроме брата, умирающий просил позаботиться о сироте и соседей: «Братцы, милые соседи! Пожалейте вы моих сирот! Жена и сын остаются без всяких средств! Не подуйте на них холодным ветром! Простите меня все Христа ради, и вас Бог простит!»⁷¹. В последующих перипетиях с выплатой долгов и хождением к управляющему, крестный больше нигде не упоминается. Основная ответственность материальная и воспитательная лежит на дяде, которому и был поручен юноша умирающим отцом. В корреспондентских отчетах для Тенишевского бюро крестный также не фигурирует при перечислении тех лиц, которые, как ближайшие родственники или близкие семьи люди, могли бы взять опекунство над сиротой в случае смерти его родителей. Все это заставляет думать, что роль крестного отца в крестьянской среде была не столь велика, во всяком случае, не прослеживается каких-то особых обязательств, которые бы заставляли крестного ревностно и деятельно участвовать в судьбе крестника в самые ответственные моменты его жизни. Но нельзя не признать и того, что крестные проявляют личную инициативу в такие минуты и пытаются оказать крестнику какую-то посильную помощь.

Выводы по статье: Крестьянская практика заботы о детях-сиротах в конце XIX в. состояла из нескольких форм опеки, наиболее распространенной из которых было приемы. Институт приемы был основан на устном дого-

⁶⁸ Кириченко О.В. Детское паломничество как духовно-культурный феномен // Вояджер: мир и человек. Самара, 2011. С. 132—133.

⁶⁹ Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян XVIII—первой половины XIX века. М., 2006. С. 487.

⁷⁰ Николаев М.Е. Моя воспоминания // Воспоминания русских крестьян... С. 667.

⁷¹ Там же. С. 661.

воре всех заинтересованных лиц внутри общины. Это было усыновление, просто прием сироты без юридического оформления, построенное на довольно широком и даже размытом (а точнее гибком) понимании усыновления в традиционно крестьянской среде. Приемыш мог стать сыном (или дочерью), называя своих приемных родителей, как было принято называть родных мать и отца. Но он мог быть и своего рода работником, который мог прожить в семье до взросления и не получить равной доли с родными детьми приемного отца. На традиционный институт приемышества сильно повлияло появление опеки (очевидно со второй половины XVIII в.) и в XIX в. — возможность узаконивать приемышей через юридический акт усыновления. При опеке и усыновлении для сельского мира имели значение как материальный фактор, (т.е. судьба хозяйства и земли, оставшиеся после кончины крестьянина), о чем красноречиво говорят все имеющиеся материалы Тенишевского бюро, представленные в статье, так и нравственные и религиозные качества опекуна или нового приемного родителя. Этим емким смыслом обладало прежнее приемышество (без опеки и других новых форм) и поэтому когда новые формы появились, они не могли иметь только материальный смысл, но к ним перешла вся гамма прежнего значения приемышества — и религиозная, и нравственная. Вследствие этого опека и юридическое усыновление сопровождались и выбором лиц, соответствующих, согласно общинным нормам, понятиям опекуна или приемного отца, и всесторонним контролем за

опекунством и усыновлением, где нравственный критерий играл важную роль. С другой стороны, оттягивание многих сил и смыслов на опекунство и усыновление из ресурса приемышества не могло не ослаблять этот традиционный институт, отчего приемышество переставало играть свою важнейшую роль — фактора сохранения стабильности крестьянского семейного мира. Прежнее — традиционное — приемышество не давало возможности «накапливаться» сиротству в деревне и существовать ему в качестве отдельного явления. Все дети-сироты обязательно попадали в какое-то свое место и возрастили там уже не как сироты, а как приемные дети в семьях. Опека и юридическое усыновление, с их привязкой к собственности и наследству, словно установили механизм «отсеивания» части детей, которые выходили из приемышества, но не доходили до опекунства и усыновления. Таких детей-сирот постепенно становилось все больше уже не только в городе, но и в селе. Они попадали в государственные и частные органы, отвечающие за призрение младенцев — детские дома и т.д., где собирались «подкинутые младенцы», незаконнорожденные, неусыновленные, дети без опеки и т.д. Безусловно, в этом виновна была не сама опека, а новый порядок в обществе, где «государственный закон» все более вытеснял обычно-правовую практику, а «собственность» становилась не только социально статусным критерием человека (дворяне, крестьяне и т.д.), но и юридически статусным критерием человека внутри однородной сословной среды.

